

Харлампиевский листок

№24

Печатается и распространяется
по благословению настоятеля
протоиерея Евгения Старцева

**СЛОВО ОГЛАСИТЕЛЬНОЕ НА СВЯТУЮ ПАСХУ
ИЖЕ ВО СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО СВЯТИТЕЛЯ
ИОАННА ЗЛАТОУСТА
(фрагмент)**

*К*то благочестив и боголюбив, — тот пусть
насладится этим прекрасным и светлым торжеством.

*К*то раб благоразумный, — тот пусть, радуясь,
войдёт в радость Господа своего.

*К*то потрудился, постясь, — тот пусть возьмёт ныне динарий.

*К*то работал с первого часа, — тот пусть
получит сегодня должную плату.

*К*то пришёл после третьего часа, — пусть
с благодарностью празднует.

*К*то успел придти после шестого часа, — пусть
нисколько не беспокоится; ибо ничего не лишится.

*К*то замедлил до девятого часа, — пусть приступит,
нисколько не сомневаясь, ничего не боясь.

*К*то успел придти только в одиннадцатый час, —
пусть и тот не страшится за своё промедление.

*И*бо щедрый Владыка принимает и последнего, как первого;
успокаивает пришедшего в одиннадцатый час так же,
как и работавшего с первого часа;

и последнего милует, и о первом печётся;

и тому даёт, и этому дарует;

и дела принимает, и намерение приветствует;

и деятельности отдаёт честь и расположение хвалит.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ПАСХИ

ВЕЛИКОПОСТНЫЕ ПИСЬМА

Архимандрит Савва Мажуко

Предисловие (в сокращении)

...Огромное число православных людей даже понятия не имеет, зачем мы постимся, кому это нужно, как это делать – и еще целое море подобных вопросов. Но самое грустное для меня как церковного человека – это то, что большинство верующих даже не подозревают, какое же это красивое время – время Великого поста! Пост – это очень красиво, и я хочу поделиться этой красотой.

Как досадно, что для многих она сокрыта! Своим студентам я всегда рассказываю, на что обратить внимание в той или иной службе, какие тексты прочесть заранее, какого момента службы ждать с трепетом и восторгом. Ведь многие потрясающие церковные песнопения исполняются всего лишь раз в год, и как же жалко их упустить! Поэтому **есть нужда в некоем «путеводителе по Великому посту»**.

И главное. Мне очень хотелось хоть как-нибудь облегчить участь «мучеников поста», людей, которых покалечил постный церковный опыт только потому, что они «подцепили» его в искаженном и неподлинном виде. Таких людей я видел немало, и сам был в их числе. Это жертвы недоразумения и злоупотребления, которое никак не отменяет употребления.

Поскольку я сам не люблю систематического изложения, – дремлю и зеваю, – то наиболее приемлемым жанром для «науки постной красоты» я избрал письмо. Великий пост 2017 года прошел для меня неожиданно бодро и бурно, поскольку ежедневно я усаживал себя за стол, чтобы написать очередное постное письмо, которое к утру уже появлялось в окошке сайта «Православие и мир». Мне казалось, что все это закончится очень скоро и дальше первой седмицы поста я не уйду, но оказалось, что письма необходимы не только читателям, но и мне самому. Постные письма стали для меня духовным упражнением, отчетом по итогам моего церковного служения. Цель этого служения – утешать людей и заражать их радостью, которую может подарить только Христос. Источник нашей радости – Пасха Христова – источник полноводный и неоскудевающий. Размышляя о Великом посте, я всегда смотрел на Пасху, потому что только в

Пасхе – смысл Великого поста. Поэтому постные письма говорят не столько о посте, сколько о том, как в каждом богослужебном жесте великопостного богослужения разглядеть Пасху и заразиться ее радостью, утешением и красотой.

НА ПОРОГЕ ПОСТА

Великий пост: в поисках смысла

В центре нашего церковного года – Пасха. Она стоит не просто неуловимо плавающей датой, но и внушительной смысловой конструкцией. Можно даже сказать так:

В начале была Пасха. И Пасха была с Богом. И Бог был Пасха. Все от Пасхи произошло, и без Пасхи ничего бы не было, что было.

Чем Церковь жива? Пасхой. От Пасхи, как круги по воде, расходятся во все стороны и наши богословские порывы, и церковные уставы, и богослужебные правила. Исходят от Пасхи, в Пасху возвращаясь, вновь замыкаясь и сходясь в этой светлой и радостной Тайне.

А что такое Пасха? На этот вопрос нельзя ответить раз и навсегда. Этот вопрос невозможно закрыть. Мы отвечаем на него каждый год. Ищем ответа очень долго, каждый для себя и все вместе. В этом вопросе и лежит смысл Великого поста. Великий пост – это долгое, семинедельное отвечание всей Церкви на вопрос: «Что такое Пасха?» Длжащееся незавершенное действие. Незавершаемое, но увенчиваемое ответом: «Воистину воскрес!»

Великий пост – дело всей Церкви. Нельзя «поститься про себя». Великий пост – не мое личное дело, не личное дело патриарха или священника, это наше общее дело. Как это дело назвать одним словом? Богомыслие. Великий пост – событие богомыслия всех православных христиан без исключения. Никто из православных христиан не должен остаться вне поста, то есть вне работы созерцания Страстей и Пасхи. Об этом говорит и 69-е правило святых апостолов: «Аще кто епископ, или пресвитер, или диакон, или иподиакон, или чтец, или певец не постится во Святую Четыредесятницу пред Пасхою, или в среду, или в пяток кроме препятствия от немощи телесныя, да будет извержен. Аще же мирянин, да будет отлучен».

Не хочешь быть отлучен от общения церковного? Постись.

А если я просто не могу такое есть! Я просто не выдержу!

Вот ради таких вопросов и стоит искать последний смысл

постного порядка. Воздержание от пищи – не цель поста и даже не его смысл. Пост не в пище.

Цель поста – богомыслие Страстей и Воскресения.

Воздержание от пищи – средство, не цель и даже не отличительная особенность поста, это некий метод, способствующий этому богомыслию, созерцанию смыслов. Таким образом, у поста есть два аспекта – центральный и подчиненный. Воздержание от пищи и другие ограничения носят служебный характер по отношению к главному делу поста – всецерковному богомыслию.

Что нам дает такая расстановка акцентов? Богомыслие – главное, воздержание от пищи – служебное, подчиненное, не абсолютное. Стратегии постного воздержания могут быть разными. Не для всякого человека отказ от рыбы или молока будет способствовать созерцательной работе. Кого-то эти аскетические опыты, наоборот, отвлекут от созерцания. Неразумный пост не должен стать препятствием к богомыслию, как и распущенность или беспечность в воздержании. Пост для человека, а не человек для поста.

Критерий постных ограничений: что я не позволил бы себе делать, если бы созерцал Страсти Христовы? Это простой вопрос. Он очень многое проясняет в наших церковных уставах, снимая целый ворох пустых вопросов. Из него надо исходить, когда пытаешься определить свою меру аскетического усилия. Хочешь определить свою меру поста, спроси себя еще раз: что я не позволил бы себе делать, если бы созерцал Страсти Христовы? Есть люди, которые не могут ругаться или врать, если в комнате есть иконы. В церкви мы инстинктивно, не сговариваясь, говорим шепотом. В храме нас укрощает священное пространство. Великим постом нас обуздывает священное время. Если в святые недели я предаюсь богомыслию, разве я могу вместе с этим развлекаться на пирушке или смотреть комедию? Все очень просто.

Пост – дело всей Церкви. Общецерковный характер поста заключается в том, что в большие посты вся Церковь, то есть каждый крещеный человек, даже ребенок, получает конкретное церковное задание, тему для созерцания и богомыслия: если это Рождественский пост, тема – «Воплощение Бога Слова, Творца нашего мира», если Великий пост – «Страдание Господа, Его смерть и победа над смертью». Для того чтобы это богомыслие буквально заполнило всего человека, приходится отказаться, во-первых, от внешних впечатлений, хотя бы ограничить их, чтобы найти место для созерцания, во-вторых, правильно настроить

свой навык питания, потому что избыток пищи, ее качество сильно влияет на способность концентрироваться, собирать внимание, укрощать эмоции.

Пост – дело всей Церкви. Из чего это следует? Из Прощеного воскресенья. Мы просим друг у друга прощения не для того, чтобы лишний раз всплакнуть и освежить эмоции. Хотя это тоже бывает полезно. Если мы все вместе приступаем к одному большому и серьезному делу, нам следует закрыть все личные и несущественные вопросы. Ничто не должно мешать этому большому делу. Нельзя делать большое дело, не забыв себя, не оставив всю суету и мелочность, недостойную великой задачи.

Мы просим друг у друга прощения в канун поста, чтобы вновь пережить и обнаружить единство, вступить в пост вместе, соборно. Поэтому в чине прощения участвуют все, ругался ли ты с кем-то или ты кротчайшее существо – войди в церковное единство, не только осознай, но и переживи дело поста как дело всей Церкви.

Разрушит ли наше единство и соборность разнообразие стратегий воздержания от пищи? Нет. Потому что это всего лишь средство. Единство разрушает отказ от всецерковного дела созерцания Пасхи Крестной и Пасхи Воскресения.

А как это – созерцать всей Церковью? Прежде всего – быть на церковной службе. Богослужение есть частный случай богомыслия. Храм – учебная аудитория созерцания. Здесь мы перенимаем опыт богомыслия древних мистиков и пророков. Научись слушать и понимать церковную службу – поймешь все богословские тайны Евангелия.

Опыт постного всецерковного богомыслия – постное богослужение. Есть такие счастливицы, которые умеют хранить огонь церковного богомыслия и вне церковных стен. Для нас это велико и почти недостижимо. Но в Церкви этот опыт доступен каждому. Надо просто попытаться. Всецерковное богомыслие приучает и готовит к непрестанному созерцанию.

Это опыт не только богословия и богомыслия, но еще и опыт красоты, потому что постное богослужение – это очень красиво.

Прятаться от этой красоты – глупо.

Прятать эту красоту – преступно.

Укрощение праведника

Церковная зрелость сосредоточена на Пасхе.

Церковная юность концентрируется на посте.

Пост начинается с подготовительных недель. Первая из них – Неделя о мытаре и фарисее. Это название славянское, и об этом следует помнить, чтобы не сесть в калошу. «Неделя» по-славянски – это не наша семидневка, а всего лишь воскресный день, один-единственный день недели. А цикл из семи дней по-церковному называется «седмицей». «Неделя о мытаре и фарисее» – *это воскресный день*, которым открывается «сезон поста», точнее, подготовительных недель к Великому посту.

Таким образом, «сезон поста» наступает за три недели и за четыре воскресенья до начала Великого поста. Выражаясь церковным наречием, постное время начинается за три седмицы и за четыре недели до наступления самого поста. По-русски до поста три *недели*, по-славянски – четыре. Легко запутаться, если не напоминать себе, на каком языке сейчас говоришь.

Фраза «Неделя о мытаре и фарисее» сама по себе является сокращением более полного названия, которое можно было бы перевести так: «Воскресный день, в который читается притча из Евангелия от Луки о мытаре и фарисее». Именно так раскрывается название и других пред-постных недель: о блудном сыне, о Страшном суде. И не только постных, но и пасхальных воскресений: Неделя о Фоме, о самарянке, о расслабленном, о слепом. Это значит, что евангельский текст становится предметом всецерковного размышления на целое воскресенье, а иногда и на всю седмицу.

При чем же тут церковная зрелость, упомянутая вначале? А при том, что Неделей о мытаре и фарисее хорошо проверять свои религиозные эмоции. Один человек, услышав о мытаре и фарисее, почувствует «дыхание поста», другой – «дыхание Пасхи». И тот и другой, оба правы. Но последний «пойдет в свой дом более оправданным» (см. Лк. 18: 14).

Первое из подготовительных воскресений, действительно, «дышит постом», и все богослужение этого дня – «постообразное». И это воистину веселит и утешает душу церковного человека. Священники служат в красивейшем фиолетовом облачении – совсем как в воскресные дни Великого поста. В этот же цвет облачают престол и жертвенник в алтаре, аналои в храме, и вся церковь становится на один день строго-постной. Это только на один день. На одно воскресенье. В понедельник снова

вернется привычное «золотое» облачение. Но через неделю все повторится снова. Пост наступает волнами. Первое пред-постное воскресенье – первый «прилив» постных смыслов.

Лучше всего эти «приливы и отливы» чувствуются на клиросе. В субботу вечером, накануне «фарисейского воскресенья», на хорах появляется «грозная» книга Триодь Постная, которую не открывали целый год. Триодь – сборник богослужебных песнопений постных и пасхальных дней. Именно в этой книге находятся бесценные сокровища церковной поэзии. О них знают настоящие ценители церковного богослужения. Эти люди с восторгом ждут вечерней службы «фарисейского воскресенья», чтобы услышать первое в этом году «Покаяние». «Сезон поста» открывается именно «Покаянием». Так обычно называют три коротких покаянных молитвы, которые исполняются после чтения Евангелия и гимна «Воскресение Христово видевше». Перед первой поют «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу»:

*Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче,
утренюет бо дух мой ко храму святому Твоему,
храм носяй телесный весь осквернен;
но яко Щедр, очисти благоутробною Твоею милостию.*

Глагол «утреневати» довольно часто встречается в церковных текстах. Интуитивно мы его понимаем правильно: «что-то делать с самого раннего утра». Белорусы иногда говорят «подхватиться»: «с утра как подхватился, так до обеда даже и не присел». В русском языке есть старинный глагол «сумерничать». Это тоже «что-то делать», но уже вечером, перед сном, в сумерках. Эти глаголы отвечают на вопрос не «что делать?», а «когда делать?» – предпринять некий труд в лучах рассвета или при свете заката. Утреневать – значит усердствовать в каком-либо деле с самого раннего утра. Когда мироносицы пошли проведать своего убитого Учителя, они «подхватились» ни свет ни заря, в утренних сумерках пробирались к пасхальной пещере. Мироносицы утреневали ко гробу. Так и человек, «ужаленный» любовью к Богу, к подлинной чистоте и святости, не может дожидаться утра, чтобы вдохнуть воздух молитвы, отдышаться в храме Божиим, заразить этой чистотой и святостью храм своего тела, запущенный и оскверненный.

После первого тропаря поется «И ныне и присно и во веки веков. Аминь», и звучит Богородичен, то есть молитва Богоматери, и в ней тоже – тоска о чистоте и святости:

*На спасения стези настави мя, Богородице,
студными бо окалях душу грехми
и в лености все житие мое иждих;
но Твоими молитвами избави мя от всякия нечистоты.*

Наши предки отличались прямоотой и простотой нравов. Грязь называли грязью. Грех – грехом. Непопулярный глагол «окаляти» на русский перевести очень трудно не по причине богатства содержания, а из соображений деликатности. Однако именно это неделекатное слово будет звучать весь Великий пост, напоминая, чем грех «обогащает» нашу жизнь, как он «украшает» нашу душу. Пусть каждый переводит сам.

*Множества содеянных мною лютых
помышляя окаянный,
трепещу страшнаго дне суднаго,
но надеяся на милость благоутробия Твоего,
яко Давид вопию Ти:
помилуй мя, Боже, по велицей Твоей милости.*

Автор этих тропарей неизвестен. Молитвы очень древние. Хотя в Триодь Постную они попали только в XIV веке. Церковный человек привычен к таким текстам. Все наше богослужение выткано сложным узором покаянных молитв. Вот мы и привыкли. Но ведь этими словами молится *вся церковь!* Подумать только: эти молитвы звучат от лица *каждого человека*, молящегося в храме! Каждого! То есть именно я утверждаю, что сделал множество лютых согрешений, «окалял» свою душу грехами, это именно мой храм тела осквернен, именно я загубил в лености свою жизнь, «окаянный» – это про меня. И я соглашусь. А вы? Вы тоже такой? А ваша жена? А ваша мама? Если мы поем в церкви все вместе эти тропари, значит, никто не смеет сказать: «За себя говори!» Подписываюсь под каждым словом.

Ведь есть люди хорошие, праведные, благочестивые. Может быть, правильнее было бы молиться отдельно: вот – молитвы для грешников, а тут – молитвы для праведников. Ведь люди трудились, ограничивали себя, спасались, пока вот эти, которые плачут о своих реальных проступках, – и правильно делают, что плачут! – грешили, губили жизнь свою в страстях и похотях. Почему мы этими молитвами мажем всех одним миром? Пусть бы праведники благодарили Бога, а грешники в это время отдельно бы читали свои покаянные молитвы, например, у входа в храм, в особо отведенном

месте. Зачем же людям благочестивым прикидываться кающимися? Мы ведь не грешили. По крайней мере, так, как этот... мытарь.

Гордость – детский грех. Или подростковый? Чем отличается гордость от тщеславия? Гордый, возношаясь, непременно унижает ближнего. Тщеславный гордится бескорыстно и безобидно. Оба состояния – ненормальны. Это болезнь. Великий пост предваряется евангельской «профилактикой» гордости. Ведь притча о мытаре и фарисее очень проста, она даже начинается с простой подсказки: *Сказал также к некоторым, которые уверены были о себе, что они праведны, и уничижали других, следующую притчу* (Лк. 18: 9).

Слушая «Покаяние», мы молимся всей церковью, каемся всей церковью, добровольно принимаем себя в статусе грешников. Это все про меня, Господи! И нет между нами разделения, потому что Пасха – для всех! Пасху нельзя получить для себя или для своих. Пасха – для всех! В чтении притчи о мытаре и фарисее предваряется пасхальная весть о том, что радости воскресения приобщится и тот, кто постился с первого часа, и тот, кто трудился с третьего, и тот, кто только в одиннадцатом часу пришел, ни в чем не получит ущерба. *На небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии* (Лк. 15: 7). Почему так? Почему Бог всегда на стороне этих мытарей? Потому что Бог там, где есть нужда в милосердии. Он там, где больно, где страдание.

Бог не отвергает молитвы праведного фарисея. Ведь все, что тот говорил Богу в своей молитве, – правда. Он ничего не приукрасил. Фарисей на самом деле был благочестивым человеком. Но Господь заметил именно мытаря. Кающегося мытаря. *Скажи-ваю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится* (Лк. 18: 14).

Созерцать Пасху мы начинаем с притчи о мытаре и фарисее. Оба оказались в храме. Оба молились Богу. Оба были услышаны Богом. Христос пошел на Крест и за праведников, и за грешников. Это мы так привыкли делить людей. Но перед Его Любовью мы все – лютые грешники, и нечем нам гордиться и искать особых молитв, особых мест, особого отношения. Пасха – для всех! Откровение о Пасхе начинается с того, что пасхальную трапезу, как и Трапезу Вечности, мне, «праведнику», придется делить вот с этим «грешником», потому что Пасха – для всех.

Огонь справедливости и возмездия – не огонь Пасхи.

Свет Пасхи – свет милосердия.

Повесть о найденныше

За две недели до начала Великого поста становится тревожно. Уже скоро. «Близ есть, при дверех», и все очень серьезно. Значительность предстоящего нам труда подчеркивает текст, который читается во второе пред-постное воскресенье – отрывок из пятнадцатой главы Евангелия от Луки, известный как притча о блудном сыне.

Пожалуй, это самый известный евангельский сюжет. В нем есть все, что способно взволновать читателя и слушателя, чтобы сделать историю запоминающейся: трагедия беспечной юности, предательство, праздник жизни с нависшей угрозой падения, голод, нужда и одиночество, раскаяние и трогательная встреча, интрига брата, несхожесть характеров, несколько узлов конфликтов – между братьями, между каждым из них и отцом. Кроме трех главных персонажей есть и таинственные «статисты»: «странный гражданин», посылающий обедневшего наследника пасти свиней, растерянный слуга, сообщающий «правильному» брату последние новости. Отношения между героями развиваются, искрят эмоциями. Притча очень динамична, и не удивительно, что две тысячи лет люди находятся под сильнейшим воздействием ее драматургии.

Почему эту историю называли «притчей о блудном сыне»? Ведь сам Автор не дает Своему рассказу никакого названия. Название придумали читатели. Почему сын – «блудный»? В современном русском языке это слово указывает на поведение, связанное с грехами плоти. Но «блудный сын» – сказано не по-русски, это фраза из славянского языка, в котором слово «блудный» имеет скорее значение «заблудившийся, сбившийся с пути», поэтому решайте сами, как станете переводить на славянский стихотворение Гумилева «Заблудившийся трамвай».

В древнем акафисте святителю Николаю есть такой запев: «Радуйся, заре, сияющая в ночи греховней *блудящим*». В изданиях XX века эту строчку исправили: «в ночи греховней *блуждающим*», чтобы читатель не услышал слишком «взрослое» значение в безобидном акафистном стихе. «Блудный сын» – это не молодой человек, одержимый похотью, а заблудившееся дитя, потерянный ребенок. Притча о блудном сыне – рассказ о найденныше. Так и недавнее английское издание Библии озаглавило эту притчу “The lost son and the dutiful son” – «потерянный сын и сын, послушный долгу».

Западная традиция избрала другой эпитет для «блудного сына»: у англичан это *prodigal son*, у французов *enfant prodigue*, оба случая отсылают нас к латинскому *prodigus* – «расточительный».

О том, что младший сын промотал наследство с блудницами, поминает в своей обвинительной речи старший брат. Сама притча говорит только о том, что младший жил распутно – «зон асо́тос» – «живя бездумно, на широкую ногу, разгульно, роскошно». *По прошествии немногих дней младший сын, собрав все, пошел в дальнюю сторону, и там расточил имение свое, живя распутно* (Лк. 15: 13).

В латинском тексте на месте греческого «зон асо́тос» стоит *vivendo luxuriose* – «живя роскошно». Слово *luxuria* нам знакомо и дорого. В память о латинской роскоши мы, например, награждаем «люксом» номера гостиницы или уровень обслуживания. Старый английский перевод называет жизнь младшего сына *riotous living* – «буйная, бунтарская, мятежная, разгульная жизнь». Младший сын – *riot*, мятежник и бунтарь. Современный английский перевод постарался максимально понятно передать характер жизни младшего брата на чужбине, назвав этот стиль жизни *life of debauchery*. Узнали слово «дебош»? Младший сын вдали от дома дебоширил, куролесил, сын-дебошир.

У нас есть очень удачные русские слова для называния людей, сбившихся с пути в нравственном смысле: «беспутный», «распутный» или просто «непутевый». Тот, кто утратил свой «путь во тьме долины», и есть заблудившийся, потерянный. Конечно, жизнь распутная и беспутная включает в себя и грехи против тела, но, согласитесь, эти грехи не исчерпывают всего «горизонта падения». Для любящего отца младший сын был потерянным ребенком, для читателя – распутным и разгульным наследником, а вот старший брат решил унижить младшего, сведя его трагедию к банальному блуду.

В старшем проснулся прокурор, разразившийся неожиданным обвинением в адрес и отца и брата: *Но он сказал в ответ отцу: вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка* (Лк. 15: 29–30).

Раздражение брата понятно. Тем более что мы знаем истинные мотивы младшего. Как бы мы ни понимали фразу «пришел в себя», младший сын возвращается на родину не потому, что ему

стало стыдно за свои проступки, а потому, что ему просто некуда было идти. К отцу его вернул голод, нищета и одиночество.

Каждый христианин, читая эту притчу, ставит себя на место непутового сына, и это самое естественное тождество. Но оно же и показывает истинную цену нашим «трудам покаяния»: гордиться нам нечем, предъявить тоже нечего, мы пришли к Богу, потому что – а к кому же нам еще идти? Дар покаяния иногда настигает нас спустя многие годы после вынужденного исправления собственной жизни. Кто знает, вернулся бы беспутный сын домой, не случись на чужбине голода?

И отец знает, что вернула ему сына не любовь, не раскаяние, а нужда. И он все равно рад, и радости этой не скрывает. Он не пускается в укоры, выяснение мотивов и отношений. Отец – сама неудержимая радость! Читая эту притчу, я с большим трудом отвожу взгляд – чтобы не увидеть его танцующим. Отец ничего не требует. Не справляется о судьбе наследства и без слов отдает найденышу все лучшее, что осталось в доме.

Притча о блудном сыне – пасхальный текст. Это важно помнить, когда мы читаем его в преддверии Великого поста, времени созерцания Пасхи Креста и Воскресения. В центре притчи вовсе не история беспутного наследника. В центре притчи – пир. Пасха – это вхождение в праздник Победителя смерти, Пасха – трапеза Царства. Пасха – точка Омега, в которую стекаются ручьи и реки всех наших жизней.

Трагичен путь младшего брата. Но меня всегда ужасал образ старшего брата, который сознательно отказывается войти на праздничный пир: *Он осердился и не хотел войти. Отец же его, выйдя, звал его* (Лк. 15: 28). Отец выходил на дорогу, выглядывая младшего сына, который очень хорошо знал, что он не смеет даже надеяться войти на такой праздник. И отец снова зовет, ищет и убеждает войти и разделить радость. Теперь он ищет старшего сына, который тоже потерялся, предпочел остаться в темноте, в одиночестве, в обиде, только бы не видеть рядом с собой того, кого он даже братом не хочет назвать, «его сына». *Он же сказал ему: сын мой! ты всегда со мною, и все мое твое, а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил; пропадал и нашелся* (Лк. 15: 31–32).

В преддверии поста и Пасхи эта притча звучит в унисон с притчей о мытаре и фарисее. Оба сюжета – о Пасхе, о той последней и неотменимой трапезе, на которую Господь позвал каждого. Пасха – для всех. Трапеза Царствия – для всех, а не толь-

ко для избранных. Там, в Царстве Отца, ты окажешься за одним столом, возможно, с теми, кто тебя обижал, кто мешал тебе быть счастливым. Посмотри вокруг: возможно, именно с этими людьми тебе придется коротать вечность.

Но там все иначе. Там все всё поймут. И обнимутся. И возрадуются.

«Божественную же пия Кровь ко общению, первее примири-ся тя опечалившим, таже дерзая, таинственное брашно яждь».

Оглашение завещания

Когда до начала Великого поста остается всего одна неделя, христиане собираются в церковь, чтобы «вспомнить» грядущий Страшный суд. Неделя о Страшном суде. Это значит, что в третье пред-постное воскресенье читается и осмысливается отрывок из Евангелия от Матфея, который описывает последний и неизбежный суд над каждым человеком.

Уникальность этого библейского сюжета в том, что ход судебного процесса описывает Сам Судья. В этом и ценность рассказа. Христос – Тот, Кто будет судить все народы и каждого человека в отдельности, поэтому Его версия суда – самая точная, а значит, и самая важная. Это не домыслы, догадки или смутные откровения взволнованных провидцев, а отчет Того, Кто Судья по праву рождения и достоинству победителя.

На Последний суд Христос придет во славе. Он не будет скрывать Своего Божества, и мы увидим Его не нищим пророком и бездомным странником, а тем, кто Он есть на самом деле. И все народы предстанут перед взором Творца и Судьи. Это наш первый страх – суда нельзя избежать. Никому. Суд нельзя отсрочить, перенести, пересидеть или отложить «по знакомству». Каждый должен пройти этим путем. Пожалуй, это самое неизбежное в биографии человека.

Второй страх – страх разделения. Еще до того, как опросить обвиняемого и свидетеля, выслушать адвокатов и присяжных, Судья отделит «овец» от «козлов». Сразу. Без слов. Без объяснений. А зачем Ему говорить – Тому, Кто смотрит прямо в сердце?

Третий страх – услышать от Судьи, что ты, на самом деле, в числе праведников. И когда успел попасть? Как угодил в овцы? Господь сразу выносит приговор. Но как же удивительно прост закон, по которому Он судит! Перед престолом Судьи стоят все народы, от начала времен до последних часов жизни человечества, все расы, все племена со всех частей света. О чем спраши-

вает Христос? Разве Он скажет: «евреи, выйдите вперед, мы ведь свои»; или: «пропустите православных, ибо у них вся полнота откровения»; или так: «мужчины пусть подойдут первыми, проявите уважение»; а может, Он скажет: «монархисты, узрите подлинное Царство»; или мы услышим: «приидите, служители муз и наук, утешьтесь, отдохните, вам первым принадлежит Царство Логоса, потому что вы поняли слишком много»?

И наоборот, сложно представить Христа, который сразу прогоняет «в конец очереди» демократов, либералов, женщин, а может, «наглых» американцев или некрещеных индусов.

Христос каждому говорит удивительную вещь: это не первая наша встреча. Мы встречались и раньше. Мы давно знакомы. И праведники, и грешники отвечают Христу в недоумении одно и то же: когда мы видели Тебя? И грешники, и праведники страдают пороком зрения, и эта слепота не позволила им опознать Христа раньше, при первой встрече.

Первая встреча – о времени. Вторая – о вечности.

На Страшном суде каждый получает свою меру вечности.

Праведникам – жизнь вечная. Грешникам – вечная мука.

Почему? По какому закону? По закону любви к людям.

Людей судят по закону любви. Но как необычно работает этот закон! Христос никого не спрашивает о его национальности, взглядах и образовании, не требует зачитать Символ веры. Он не говорит: «наследуйте Царство, потому что вы верили в Бога, поддерживали церковную политику, вычитывали положенные молитвы и постились по уставу». Собственно, и суд – не совсем и суд, а скорее оглашение завещания о вступлении в наследство.

Кто же наследники?

Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть;

жаждал, и вы напоили Меня;

был странником, и вы приняли Меня;

был наг, и вы одели Меня;

был болен, и вы посетили Меня;

в темнице был, и вы пришли ко Мне..

Так как вы сделали это одному из сих братьев

Моих меньших, то сделали Мне

(Мф. 25: 35–37, 41).

Младшим братом Христос назвал всякого нуждающегося. В притче о блудном сыне старший сын, правильный и непорочный, не смог назвать младшего брата братом, таким презренным и ничтожным был этот докучный родственник, «сын своего отца».

Старшему невыносимо было само слово «брат». А вот для Христа это одно из самых дорогих имен. Бог не стесняется назвать нищих и убогих своими братьями. Для Него это имя – не метафора. Христос зовет на Свой пир всякого, кто не презрел Его братиков и сестричек, ущербных, униженных, раздавленных жизнью.

Бог не судит нас за то, что мы не заметили Его в нашу первую встречу. Нас судит не Христос, а те меньшие братья и сестры, наши братья и сестры, жизни которых мы не заметили. Они жили рядом, дышали с нами одним воздухом, а мы даже не заметили их жизни и их нужды.

Неужели Господу не интересно услышать на суде о нашей вере, о наших духовных упражнениях, успехах миссии и богословия? Если твоя вера и пост не сделали тебя зрячим, не растопили сердце, не заразили добротой и милосердием, зачем все это? Молитва, пост, богослужения – это *средства*, помогающие нам стать богоподобными. Быть подобными Богу можно лишь в одном – подражая Его милосердию и доброте, Его нежному вниманию и заботе. В каждом видит Господь своего младшего братика и маленькую сестричку. Так и мы должны смотреть на тех, кто рядом. И если это единственное, о чем спросят на Последнем суде, может, не обязательно мудрствовать и изощряться в теологии, а просто делать добро там, где это возможно? Это ведь так просто и естественно – быть добрым, а значит, богоподобным, быть богом и утешителем для своих близких.

При чем же здесь пост и Пасха? Почему этот евангельский отрывок дается христианам для напряженного созерцания сейчас, за неделю до Великого поста? Потому что Пасха – не моя личная история, не мой личный праздник. Пасха – для всех. Нельзя прийти на пир Царствия самому по себе. Жизнь вечная, в которую вступают праведники, – это и есть пасхальный пир Царствия. Вечную жизнь нельзя наследовать лично, персонально, для себя. Там сядут за один большой семейный стол – братья и сестры, братики и сестрички.

Вечность – не для личного пользования. Вечность надо обязательно с кем-то *разделить* – с сестрой, с братом, а они не всегда «премудрые и разумные». Чаще всего они – *меньшие и умаленные*, но и такими их любит Бог и принимает, и усаживает за один стол с «премудрыми и разумными». Евангелие не успокаивает нас, а отрезвляет и напоминает: вот эти люди, с которыми ты видишься каждый день, споришь, возмущаешься, обижаешь, – не с ними ли ты будешь делить вечность, не с ними ли ты сядешь за

один стол в доме Отца? Другой вечности – стерильной и безлюдной – Бог нам не обещал. Готов ли ты к такой вечности? Примешь ли ты такую Пасху? Такую ли Пасху ты ждешь?

У ворот рая

Старушка на двух палочках с большим трудом приходит в субботу вечером, в канун Прощеного воскресенья. Ее давно не было. Ей трудно ходить. Но эту службу она не пропустит. Спросите: что ей дома не сидится? И она вам ответит: сегодня последние «вавилонны». Это она про 136-й псалом «На реках Вавилонских». Красивейшее песнопение. Грустное. Трогательное. Его поют в той части службы, когда священники выходят на полиелей – это торжественный момент вечерней службы. Зажигают все светильники, батюшки выходят на середину храма, начинается каждение.

Таких старушек сейчас и не найдешь. Все упокоились. Как их назвать? Может, люди церковной культуры? Тогда уточним: люди церковной *богослужебной* культуры. Их отличал особый стиль церковного поведения, воспитанный вкус к церковной службе. Когда мы спорим о воцерковлении, этот важный момент всегда ускользает, ему мало придают значения. А потому так режет глаз, коробит слух, когда встречаешь не только простых прихожан, но и священников и епископов, не воспитанных в церковной культуре, с неразвитым вкусом к богослужению.

Вспомнил свое знакомство с «вавилоннами». Я был советским школьником и совсем ничего не понимал в богослужении. В тот год к нам в Гомель был назначен епископ – владыка Аристарх, монах лаврской школы, человек горячо любивший и понимавший богослужение, искренний и скромный молитвенник. И вот я вижу привычные действия: владыка с батюшками вышел в центр храма, хор поет величественное «Хвалите имя Господне», началось каждение алтаря. Владыка, покадив алтарь, вдруг останавливается в царских вратах, поворачивается лицом к престолу, и во всей церкви вдруг гаснет электрический свет, и в полном молчании колышутся только огоньки свечей и лампад. И тут хор запел «На реках Вавилонских». Смогу ли я когда-нибудь передать, что чувствовал в тот миг? Может, и не стоит. Лучше пережить это самому, окунуться в эту красоту и молитвенное сокрушение.

Евреи на чужбине оплакивают свою бездомность. Маленький эпизод истории древнего народа, сделавшись предметом созерцания, обратился в образ моей личной бездомности и сиротства.

В юности мне казалось, что свет гасят в церкви, чтобы можно было спокойно поплакать, без свидетелей. Плачут епископы, рыдают священники, всхлипывают школьники – все мы обездолены, одиноки, бездомны – просто потерянные дети, потеряшки и сиротки. Плачут, потому что найдены, взяты на руки и согреты.

Наш хор всегда исполнял «На реках Вавилонских» по нотам композитора Крупицкого. Простая музыка. И неповторимая. Но этот псалом поется три раза в году: в Неделю о блудном сыне, в Неделю о Страшном суде и в канун Прощеного воскресенья. Три раза. Это мало. Однако наши церковные бабушки целый год ждут неповторимого, тех молитв, которые поются лишь раз в году.

Старушка на двух палочках привычно осведомилась, будем ли мы сегодня петь «Седе Адам» и стихи по шестой песни канона? Какие тонкие слушатели! Когда-то давно я раздобыл нотные рукописи одного старинного монастыря. Девчоночьи ноты, сказал бы я: вся партитура в витиеватых буквицах с завитками, а по краям цветочки и херувимы, вырезанные из открыток и конфетных оберток, – женщины, хоть и в монашеских одеждах, никак не могут без красоты! Среди рукописных «пиэс» одна сердечно сентиментальная – стихира Сырной недели на «Господи воззвах» «Седе Адам». И мы ее пели. Музыка незатейливая, даже в чем-то примитивная, но чрезвычайно трогательная. И вместе с бабушкой я теперь жду этот вечер и эту стихиру. Теперь мы ее поем просто на шестой глас. Если вы умеете петь «Царю Небесный», значит, знаете этот напев, знаете, как звучит шестой глас. Вот и спойте:

Седе Адам прямо рая и, свою наготу рыдая, плакаше:

Увы мне! Прелестию лукавою увещану бывшу, и окрадену, и славы удалену!

Увы мне! Простотою нагу, ныне же недоуменну!

Но, о раю, ктому твоя сладости не наслажуся!

Ктому не узрю Господа и Бога моего и Создателя!

В землю бо пойду, от неяже и взят бых.

Милостиве Щедрый, вопию Ти: помилуй мя падшаго.

Правда, красиво? Вот вам и упражнение в созерцании. Стихира – одна из многих. Она помещает слушателя у ворот рая, настраивает его зрение на созерцание этих навсегда захлопнувшихся дверей. Мы не просто смотрим глазами Адама, поем его голосом, плачем его слезами, но понимаем, чувствуем сердцем, что эта история – про меня, это моя трагедия – семейная и личная. Адам сидит напротив райских дверей и оплакивает свою наготу и бездомность, тоскует по дружбе с Богом, по тому дару простого

непосредственного общения со своим Отцом, который он утратил навсегда. Теперь его судьба – земля и прах. И старинная партитура кричала пронзительным аккордом: «В землю бо пойду!» и едва слышным пиано: «от неяже и взят бых».

Стенания Адама пронизывают все богослужение этого дня. И по шестой песни канона утрени выходит канонарх и торжественно и внятно читает кондак и четыре строфы икоса, а хор к каждой строфе поет трогательный припев голосом Адама: «Милостиве, помилуй мя падшаго». Только раз в году звучит Адамов плач. Этим плачем начинается Великий пост. Поэтому люди церковной культуры так боялись пропустить этот зачинательный аккорд постного богомыслия.

Пост начинается с созерцания дверей, а потому первый день поста – Прощеное воскресенье. Поститься еще не начали, но уже погрузились в богомыслие. И предмет размышлений – двери рая.

Как же по-разному можно мыслить двери: двери, в которые ты вот-вот войдешь, – это не те же двери, из которых ты только что вышел, оставив надежду когда-нибудь вернуться.

Пост начинается и заканчивается у дверей. Путь Великого поста – от дверей Адамова рая до дверей Христова Гроба. Не стучитесь. Не пробуйте открыть. Секрет в том, что у рая вообще не должно быть дверей. Поэтому их просто выломают. Изнутри.

(Продолжение в следующем номере)

© ООО ТД «Никея», 2018

© Издательский дом «Никея», 2018

© «Православие и мир», 2018

**Михаило-Архангельский Харлампиевский храм
Иркутск 2019 г.**